

Голос долга

*Из воспоминаний родственников
об игумене Серафиме*

В 1996 году, оставив преподавательскую работу в Пермском строительном институте, я решила заняться изучением своей родословной. Независимо от того, в 1994 году, от своей мамы в первый раз услышав о том, что игумен Серафим (Кузнецов) из Белогорского Свято-Николаевского монастыря был двоюродным братом моей бабушки Марии Дмитриевны Коряковой (в девичестве Шуваловой, в первом браке Романовой).

Моя бабушка, конечно, знала, что Анна Петровна Шувалова – моя прабабушка, и Александра Петровна Кузнецова – мать игумена Серафима, являются родственницами. В детстве они носили фамилию Мельникова. Георгия Кузнецова звали Егором. О том, что мы являемся родственниками, как и о многом другом, мой отец Андрей Васильевич Романов никому никогда не рассказывал. Папа умер в 1989 году, когда перестроили только начиналась.

Нам, внучкам Марии Дмитриевны Коряковой, рожденным в 30–40 годах прошлого века, о жизни наших предков известно было мало. Старшие поколения молчали, боясь репрессий за свое социальное происхождение, ведь арестан и расстреляны полагались совершенно разные люди. Только в начале 1990 годов у людей вновь печется страх за архивные свои родственники, а это же время дало получить доступ в архивные фонды.

Мария Дмитриевна Шувалова родилась в 1889 году в деревне Гадва (Гадва) Корятинской волости Чердынского уезда Пермской губернии в семье сельского учителя Дмитрия Ивановича Шувалова. В 1907 году ее сослали в Завод Добрыни Пермского уезда Пермской губернии и вышла замуж за Василия Прохоровича Романова, слесаря железнодорожного завода графа Строганова.

Василий Прохорович Романов родился в 1882 году в Добрыне, в семье заводского мастера Прохория Андреевича Романова, чей отец Андрей Васильевич был крестьянином, жил и работал на Касимовском чугуноплавильном заводе графа Строганова, откуда и был переведен – «оставлен» в Добрынский Завод.

У Марии Дмитриевны и Василия Прохоровича Романовых родилось пятеро детей, но один ребенок умер. Старшая дочь была в 1908 году рождена, Надежда – 1910, Андрей – 1911, Михаил – 1913. Нику, Надежду и Андрея, моего отца, во времена добрынской средней школы заботились учительствовать в рай-

Семья в родовой усадьбе в Добринке. 1-я во втором ряду – М. Д. Ромашов, за ней В. П. Ромашова. 1910 г.

онных сельских школах. Позднее Михаил уехал строить Днепротэс. Стезе педагога осталась верна только Надежда Васильевна.

В 1926 году Василий Прокопьевич Ромашов умер от пневмонии. Через год его вдова, наша бабушка, вышла замуж за пермяка по фамилии Кирьянов и переехала к нему в Пермь. Увы, Кирьянов тоже вскоре скончался. Еще один – последний – гражданский брак у бабушки не удался. Из десяти ее внуков сейчас здравствуют шестеро: мои двоюродные сестры Лия Михайловна Рылдина (урожденная Шохирева) и Лариса Михайловна Тимофеева (урожденная Ромашова); двоюродные братья – Георгий Михайлович Шохирев, Сергей Михайлович Ромашов, Николай Михайлович Ромашов и я – Людмила Андреевна Ромашова.

Поиски корней со стороны бабушки Марии Дмитриевны я начала с работы в библиотеках, изучая библиографическую и церковную литературу в библиотеке часовни Стефана Пермского, городской библиотеке Духовного возрождения и в периодике прошлых лет. Сведения о жизни игумена Серафима

были скудными и однообразными, в основном они касались перевозок им гробов с прахом Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Варвары Яковлевой из Алапаевска в Иерусалим. В краевой библиотеке им. Горького сохранились кое-какие издания тех лет: газеты «Пермские епархиальные ведомости» («ПЕВ») и журналы «Голос долга», издаваемые под редакцией отца Серафима. Изучив его труды, я сделала вывод, что о. Серафим был умным и талантливым религиозным писателем, защитником православия, самодержавия, верным сыном Церкви, Царя и Отечества.

***

Георгий Кузнецов родился в уездном городе Чердынь Пермской губернии в 1875 году, а умер в 1959 году в Иерусалиме. Он поступил в Белогорский монастырь в 1897 году и был принят послушником. Настоятель обители игумен Варлаам (Коноплев) назначил его даже своим письмоводителем. В 1902 году послушник Георгий был пострижен в монахи с именем Серафим. В 1905 году его рукоположили во иеромонаха. В 1906 году игумен Варлаам

назначил о. Серафима начальником Свято-Серафимовского скита, расположенного в пяти верстах от Белогорского монастыря.

В феврале 1912 года в Перми был создан Епархиальный ревизионный комитет в составе семи священнослужителей, членом этой комиссии был утвержден иеромонах Серафим. В 1912 году он участвовал в ревизии церковного хозяйства Чусовской церкви, Пермской консистории и делал отчетные доклады по результатам этих проверок. 19 августа 1912 года епископ Пермский и Соликамский Палладий в церкви Благовещенского Синодального подворья в Петрограде вручил иеромонаху Серафиму игуменский посох.

В «Пермских епархиальных вестях» за 1915–1916 годы игумен Серафим публиковал письма с фронта, адресованные епископу Андриану, в которых описывал Первую мировую войну. Эта корреспонденция из действующей армии представляет собой интереснейшие страницы истории России и фронтовые сводки времен войны. Сегодня многим россиянам трагическая сторона этого периода совершенно неизвестна,

потому что в школьных учебниках, да и в художественной литературе история этой жестокой, истребительной войны, к которой Германия готовилась несколько десятилетий, преподносится как малозначительное событие. Однако в IV томе «Новой российской энциклопедии» сказано: «Первая мировая война 1914–1918 гг. – первый тотальный конфликт в истории человечества, который мог привести к уничтожению многих государств вместе с их населением и правительством». Игумен Серафим как будто предвидел это, когда задумал создать свою летопись этой войны.

В «ПЕВ» в разделе «Епархиальная хроника» опубликована статья «На войне», где сообщалось: «Популярный в Пермской епархии

правды» – летописного дневника современной великой войны народов. Ему как участнику этой войны сейчас предоставлена возможность собрать богатейший материал для каждого издания»¹.

Пастырские обязанности священнослужителей в действующей армии были очень важны, так как настоящий пастырь всегда готов ободрить, дать нравственную поддержку больным, раненым, уставшим солдатам. Из первого письма игумена Серафима епископу Андронику от 15 мая 1915 года читаем: «Дорогой Владыко, Христос Воскресе. Прошу благословения и архипасторских молитв. Слава Богу: жив, здоров и бодр. За это время успел навестить три гвардейских полка. Помимо изучения

М. полка. Пасхальную утреню служил в гвардейской дивизии, и после службы ушел в окопы, где пробыл до семи часов утра, обойдя окопы М. полка. Очень были рады г.г. офицеры и нижние чины, что в Светлую ночь их навестило духовное лицо. Петь в окопах было нельзя, а только приветствовать вполголоса, ибо неприятельские окопы от наших местами отстоят очень близко – до 30 сажен. Вперед в окопы я добрался с опытным и смелым офицером благополучно, ибо было светло, и неприятель нас не заметил, а в окопах он обратил на нас внимание и открыл ружейный огонь. Пришлось делать пробежки и часто ложиться на землю, а местами и позлком выбираться из неприятельского огня. Слава Богу, благополучно, возвратился – жив и невредим»².

В августе 1915 года игумен Серафим вернулся в Пермь, а 29 августа выступил с большой речью на трезвенно-патриотическом крестном ходе. Манифестация с хоругвями, портретами Государя и Государыни, с лозунгами: «В трезвости счастье народа», «В трезвости наша победа» и т.п. двигалась от кафедрального Спасо-Преображенского собора по улицам – Монастырской, Красноуфимской, Покровской, Сибирской и Вознесенской к Воскресенской церкви (сиссена в 1940 году), где отец Серафим «произнес слово».

Из его речи: «Мне пришлось много пережить за шестимесячное мое пребывание на передовых позициях, где жизнь казалась тяжелым кошмаром, где убивали людей, где люди умирали, где земля заливалась кровью. Я старался быть там, где было больше ужаса, больше доблести наших бессмертных героев, где грозно кипели волны ужаса, где серые герои лежали полосоми, как грады скошенной травы, безгласны и бездыханны. Бесцельно и слабо мое сердце передать Вам все, что видел и слышал. Скажу только одно, что такой грозной войны не видели еще не только люди, но даже и небесные светила.

...Переживаемое бедствие есть проявление грозного суда Божия над земными народными царствами, забывшими закон Его. В нача-

Женщины семьи Ромашовых во дворе своего дома в Добрые

редактор-издатель ежемесячного журнала «Голос долга», начальник Серафимо-Алексеевского скита в Осинском уезде игумен Серафим, выехавший в первые числа марта в Петроград, в настоящее время по полученным в Перми сведениям, причислен в качестве проповедника Слова Божия к одному из гвардейских полков действующей армии, будучи уже удостоен приема в ставке Верховного Главнокомандующего. Игуменом Серафимом еще осенью минувшего года предпринято обширное издание «Торжества

боевой жизни почти со всеми беседами, сказав сердечные слова о высоте долга военной службы. Дух их бодр и героически настроенный. Переутомления они не высказывают, крепятся, свято исполняя священный долг. Таких героев можно только убить, а не победить. Наша доблестная гвардия с помощью Божией в настоящую войну просланила себя бессмертными героическими делами и внесла в свой победный венок новые лавры славных дел. В Великую субботу я служил в походной церкви на передовых позициях

¹ «Перские епархиальные вести» за 1915 год. № 11. С. 346.

² «ПЕВ» за 1915 г. № 11. С. 331.

де Господь вразумляет народ малыми наказаниями – мятежом, голодом, внезапной смертью, междоусобной войною и внутренними смутами; если же народ после сего наказания не исправится, тогда он посылает больше наказания – заразную, смертоносную болезнь и войну. Когда люди не хотят исправиться и после сего вразумления Божию, то подвергаются тяжелому наказанию по слову пророка «Упасеши я железом железным» (Ис. 2, 9).

Кто же главный виновник переживаемого грозного испытания? Главный виновник переживаемого грозного испытания – грех. Все мы не без греха, а потому виновники в переживаемом бедствии по мере тяжести своих грехов. Только благочестие народа может предохранять от ужасного кровопролития. Прежде всего для благополучного исхода войны нужно народное покаяние, молитва, исполнение долга присяги, взаимное согласие, героический дух и храбрый подвиг наших воинов¹.

6 мая 1916 года по Пермскому Епархиальному ведомству за отличную службу были удостоены наградами: орденом Святой Анны 2-й степени настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам, орденом Святой Анны 3-й степени начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря игумен Серафим.

Девиз ордена Святой Анны «Любшим Правду, Благочестие и Верность» полностью соответствует достоинству и деяниям таких духовно-сильных личностей, как архимандрит Варлаам и игумен Серафим. Кроме того, 6 мая в 1911 году ко дню рождения Императора Николая Второго иеромонах Серафим был награжден наперсным крестом, а год спустя в этот же день (6 мая 1912 г.) – благословенными грамотами Святейшего Синода за заслуги по духовному ведомству в Пермской епархии были удостоены настоятель Белогорского Никола-

Отец Серафим со своей матерью монахиней Анастасией

евского мужского монастыря архимандрит Варлаам и казначей Бахаревского Серафимо-Алексеевского Богородице-Казанского женского монастыря монахиня Анастасия (Кузнецова), родная мать отца Серафима.

Александра Петровна Кузнецова была пострижена в монастыше своим сыном, игуменом Серафимом 31 мая 1907 года в Кунгурском Иоанно-Предтеченском женском монастыре. В постриге она получила имя Анастасия. В январе 1909 года монахиня Анастасия утверждена в должности казначей Бахаревского женского монастыря.

***

В 1999 году мои исследования были приостановлены, так как меня увлекла другая интересная краеведческая тема: исследование истоков высшего технического и среднего специального строительного образования в Перми. Тема была емкой по времени, но увлекательной, и работала я над ней почти 10 лет с перерывами на садово-огородные сезоны и на «посиделки» с внуками. И все-таки иногда меня «выпоси-

ло» на исследование вопроса: был ли игумен Серафим двоюродным братом нашей бабушке, ведь некоторые краеведы этому не верили.

Весной 2001 года я пошла к родственникам. Первый визит был к моей тете – Нине Васильевне Ястребковой (урожденной Ромашовой). Рассказы тетушки об игумене Серафиме меня сразу же успокоили. Она говорила: «Игумен Серафим в конце XIX века был призван в армию, служил на Дальнем Востоке, то ли в Китае, то ли в Японии, участвовал в таких страшных боях, что молил Бога о спасении души, просил помилования и обещал, если останется живым, посвятить свою жизнь служению Богу и Церкви. Был ранен, вернулся в Чердынь. Но вскоре ему приснился сон, в котором услышал упрек, что он нарушил слово, данное Богу. На другой день, несмотря на уговоры родных, он очень быстро собрался и пешком ушел в Белогорский монастырь». Что за ранение было у Георгия Кузнецова, и когда он вернулся в Чердынь – тетушка не знала.

Я возражала, мол, не было войны у России с Китаем или Японией в конце XIX века, а русско-японская война была в 1904–1905 годах. Но тетя настаивала: «Служил, не помню где, но на Дальнем Востоке, и домой он пришел в форме военного моряка, которая долго хранилась у Кузнецовых. Но за несколько лет до революции они погорели, остались почти нищими, спасли только книги. После пожара семья распалась, все разъехалось – кто куда».

Далее Нина Васильевна рассказала, что игумен Серафим как священник участвовал и в Первой мировой войне: «Помню сборы, которые делала его мама для монастырей: собирали подарки долго, морозили молоко в горшках, готовили лошадей, запасали кормом для нее. Мать говорила мне: «Вот положи, поедем с тобой к дяде Симе». Но поездка не состоялась, сообщили, что ехать не надо. Только и твердили крутом: «Война, война».

Далее Нина Васильевна рассказала, что игумен Серафим как священник участвовал и в Первой мировой войне: «Помню сборы, которые делала его мама для монастырей: собирали подарки долго, морозили молоко в горшках, готовили лошадей, запасали кормом для нее. Мать говорила мне: «Вот положи, поедем с тобой к дяде Симе». Но поездка не состоялась, сообщили, что ехать не надо. Только и твердили крутом: «Война, война».

¹ «ПЕРМЬ» № 17–18 за 1916 г. С. 410–413.

(Мой отец говорил, что сестра Нина была в семье самой умной, бойкой с рождения, она в 11 месяцев уже пошла и начала говорить. Энергичную, активную коммунистку Нину Васильевну Ястребову и сегодня помнят многие здравствующие соотечественники Пермского Облбосоупрофа, где она работала до 75 лет, последние 20 лет – начальником планового отдела).

Видимо, каким-то образом семья Романовых была известна, что в Белогорье игумена Серафима нет. Ему есть подтверждение – сообщение в газете «ПЕВ» № 5 за 1915 год, с. 137. Там говорится, что начальник Серафим-Алексеевского скита игумен Серафим в доме Мешкова на Заимке, где было расквартировано до 5 тысяч нижних воинских чинов, в январе 1915 года совершил всенощные бдения и утренние богослужения. Так же в январе он выступал в госпитале при духовной семинарии с речью о религиозной настроенности воинов.

Сообщениями тети Нины я поделилась с двоюродной сестрой Лией – дочерью другой моей тетушки – Надежды Васильевны Шохиревой. К моему сожалению, она умерла в декабре 2001 года, и поговорить с ней о нашей родословной я не успела. А вот Лия успела и даже записала воспоминания своей матери, подтвердив информацию о военной службе Георгия Кузнецова: «Служил в Китае, дал обет, что, если останется живым, пойдет в монастырь. Вернулся и забыл обет. Увидел сон, и в тот же день ушел в монастырь. Через пять лет переехал в обитель прах отца. Выкопали гроб и увидели, что он не истлел, а покрылся как бы мхом. Вся одежда была целая, крепкая. Для него сделали новый гроб, который заносили домой и служили панихиду, а потом на лошадах увезли на Белую Горю».

От Надежды Васильевны остались фотокарточки, которые хранит ее внучка Марина Леопольдовна Добрянкина (урожденная Шохирева). Особенно интересен снимок двух женщин в купеческих платьях: одна из них, молодая и стройная, лет 20–23-х, стоит, а рядом сидит полная дама, которая значительно старше. На обороте фотографии есть надпись: «Мельникова, прабабушка

моей матери». Эти слова написаны рукой сына Надежды Васильевны – Леопольда Михайловича Шохирева (он умер в 2000 году). Марина подтвердила, что это почерк отца.

По утверждению Лии, которая познакомилась с прабабушкой Анной Петровной в конце 40-х годов, молодая женщина на фотографии – это и есть Анна Петровна. А кто другая, та, что сидит? Наша прабабушка? Уж очень заметна возрастная разница. Об этой старой, потерятой фотографии я вспомнила в декабре 2009 года. Но об этом в конце очерка – последней точке моих поисков.

В следующие мои посещения тетя Нина рассказывала много интересного про свою молодость, о Добрянке, Перми. Вспоминаю рассказ, слышанный ею еще в юности от матери – Марии Дмитриевны, которая осенью 1914 года присутствовала на свадьбе своего брата Василия Дмитриевича Шувалова – диакона Пермской Вознесенско-Феодосиевской церкви. Василий Шувалов в 1912 году окончил 4-х классное городское училище в селе Ильинском, затем учился в Пермском псаломническом училище. Его невестой была юная, 16-летняя девушка по имени Надежда Босых – дочь богатого пермского лесопромышленника В. С. Босых, который организовал веселый свадебный кортеж из немногочисленных легковых машин самых состоятельных жителей Перми. Молодожены и гости, удивляя пермяков, проехали под громкие звуки клаконов по улице Петропавловской до Вознесенского собора, где отец Василий и Надежда обвенчались. Через год у них родился сын Дмитрий, но вскоре он заболел и умер.

Судьба отца Василия трагична. Осенью 1918 года около г. Осы на берегу Камы красногвардейцами были расстреляны священнослужители, среди которых был и он, 24-летний диакон Василий Шувалов. На берегу реки всем арестованным приказали раздеться, загнали в воду и заставляли плясать под балабачную игру. Это побоище с угнетенного духовенства видела жена Василия – 20-летняя Надежда. Ей долго не разрешили похоронить вмерзшее в лед тело мужа. Только зимой она

вернулась в Пермь и рассказала об этом преступлении «красных» по секрету своим родственникам, боясь за их жизни и за себя. Все молчали. Как отец Василий Шувалов и его жена оказались в Осе – тетя не знала, только предполагала, что, наверное, решили с Колчаком идти на Восток. Я же думаю, что супруги шли в Белогорский монастырь к игумену Серафиму, хотя его в это время в монастыре уже не было.

Если участие игумена Серафима в Первой мировой войне факт доказанный, то его участие в «страшной войне» с Китаем следовало выяснить. Поскольку он появился в Белогорском монастыре в 1897 году, когда ему было 22 года, то есть, прослужил в армии всего полгода, можно предположить, что вернуться так быстро со службы он мог лишь по ранению.

Мои исследования об игумене Серафиме затормозились, зато решился интересный и непонятный для меня вопрос: как мой прадед Дмитрий Иванович Шувалов стал священником, ведь он не учился в духовном учебном заведении.

Д. И. Шувалов родился в 1865 году в семье крестьянина села Покча Чердынского уезда Пермской губернии. В 1875 году поступил в Чердынское городское 4-классное училище, по окончании которого в 1879 году получил свидетельство сельского учителя. До 1893 года он учительствовал в народных начальных училищах Чердынского уезда. В 1893 году по благословению преосвященного Петра (Лосева), епископа Пермского и Соликамского, Шувалов начал служить псаломщиком в Веретейской Свято-Троицкой церкви Соликамского уезда и в 1894 году был рукоположен в сан диакона Покровской церкви Верх-Усольского села Соликамского уезда. В церковно-приходской школе этого села он состоял учителем и законоучителем. В марте 1910 года диакон Дмитрий Шувалов был рукоположен во иерея Усть-Гаревской церкви Пермского уезда.

В метрической книге Благовещенской церкви с. Покча 27 октября 1885 года есть запись о вступлении в брак крестьянина села Покча Дмитрия Ивановича Шувалова, 20-ти лет, и крестьянской девицы

е. Покча Анна Петровна Мельникова, 19-ти лет; оба брачующихся православного вероисповедания (напомним, что Анна Петровна Мельникова – родная тета игумена Серафима, сестра его матери). Поручителями от жениха были крестьянин с. Покчи Петр Васильевич Шингунов и крестьянин с. Анисимово Маркел Егорович Леханов; поручителями от невесты – крестьянин Морчанской волости Иван Петрович Ордин и запасной старший писарь Семен Петрович Мельников (дядя о. Серафима).

Анна Петровна Мельникова окончила в Покче одноклассное женское земское училище, открытое в 1881 году. В семье Анны Петровны и Дмитрия Ивановича Шуваловых было 12 детей, но не все они дожили до совершеннолетия. Моя бабушка Мария Дмитриевна была в семье третьим ребенком.

В метрической книге Благовещенской церкви есть также запись от 12 октября 1889 года о рождении младенца Иоанна – сына Семена Петровича и Серафимы Ивановны Мельниковых, а воспитанником, то есть крестным отцом новорожденного записан Егор Михайлович Кузнецов, мещанский сын города Чердыни. Далее в записи за 1891 год есть сведения о рождении у супругов Семена и Серафимы Мельниковых дочерей Евпраксии, но воспитанницей младенца значится родная сестра Семена Петровича – Анна Петровна.

В 1938 году отец Дмитрий Шувалов служил в церкви села Банновское Кунгурского района. Однажды ночью 73-летний священник был арестован сотрудниками НКВД и «исчез». В милиции Анне Петровне объяснили, что ее муж – враг народа, и умер он от волдыря. На просьбу – сказать, где же он похоронен, ответа не было. Сейчас известно, что в 30-х годах в ряде церквей Кунгура размещались тюрьмы НКВД, в которых содержали «врагов народа». Их расстреливали без суда и следствия, а трупы закапывали на территории этих же тюрем, то есть церквей. В 1918 году Анна Петровна пережила смерть сына Василия, могилка которого неизвестна, а в 1938 году она потеряла и своего супруга ...

Прабабушка Анна осталась жить в Кунгуре – «около мужа». Она снимала комнату, имела небольшой огород. Посильно ей помогли дочери – Антонина и Мария, проживавшие в Перми, к которым она иногда приезжала.

Моя кузина Лия в 1949–1953 годах училась в Пермском пединституте и была знакома с прабабушкой. Она вспоминает ее высокой, сухопарой и немногословной старушкой, всегда в светлом платочке. Еще Лия помнит, что в эти же годы, в Пермь из г. Тимашевска Краснодарского края приезжала сестра бабушки – Лидия Дмитриевна Романовская, которая востребовала у нее солидную книгу в толстом переплете. Эта книга еще до 1917 года была написана и подарена игуменом Серафимом нашей бабушке, и таких книг в Перми больше нет. Название книги Лия не запомнила, но потом бабушка говорила, что в ней отец Серафим (Кузнецов) описал жизнь, смерть и похороны своего отца.

***

В 1957 году после окончания Московского политехникума я пришла в Пермь по направлению – и чуть более года жила у бабушки Марии Дмитриевны, которая много рассказывала мне о своей молодости. Однажды я ей сказала, что помню, как моя мама готовила в русской печи уток, глухарей, рябчиков. Мамин отец, мой дед Михалев Петр Иванович, был завядлым охотником-птицеловом и рыбаком, что помогало многочисленной семье рабоче-бедняка сводить концы с концами. Дед работал шофером, возил с Милевской горы на Добрянский металлургический завод медносолеварный песчаник. Бабушка сказала, что и ее дед, мой прапрадед, крестьянин из села Покчи Петр Андреевич Мельников, был охотником-звероловом. Он продавал пушнину, а за рыбой ездил даже на Печору. Еще помню сестру бабушки – Антонину Дмитриевну Шувалову (фамилию ее мужа Валерьяна я не знала). Тетя Тоня была высокой стройной женщиной, конопатой, с пушистыми рыжими волосами, очень смешливой, любила петь, работала в Пермском Облгосуправлении инспектором по бюджету. Бабушка, как и ее сестра Анто-

нина, были статного телосложения, но лицом совсем не походили друг на друга. Кстати, до конца своих дней высокой стройной женщиной была тетяшка Надежда Васильевна Шохирева – мама Лии.

***

Время шло, я продолжала красаведческую тему по техническому образованию, работая в архивах и библиотеках, встречаясь и переписываясь с выпускниками коммунально-строительного техникума.

Красеведение исключительно интересное и удивительное занятие, захватывающее в бессрочный плен, требующее от исследователя полной отдачи эмоциональных сил души и сердца, профессиональных знаний по исследуемой теме, огромных затрат времени не только на поиск нужной информации, но и для размышления, осознания уже известных фактов, событий, явлений. Я заметила, что когда целенаправленно много думаешь, веришь, надеешься, то мысль материализуется, появляется интуиция и тот момент, который я называю «Господни случай». Потому я согласна с мнением игумена Серафима: «Воё в нашей жизни совершается не случайно, но по воле Господа Бога». (Так начинается его рассказ «Под впечатлением высочайшей аудиенции»).

В разгар садово-огородного сезона в Перми я бываю только поздно вечером, но в последнюю пятницу августа 2009 года «случайно» оказалась дома. И «совершенно случайно» вечером по пермскому радио в программе Р. Л. Мамаевой «Наследие» я услышала, что в Чердыни открылась небольшая выставка, посвященная игумену Серафиму и Великой Княгине Елизавете Федоровне. В середине ноября я в первый раз приехала в город моих предков и познакомилась с сотрудниками Чердынского красаведческого музея и Музея истории Веры. Сюрпризом для меня был «Посемейный список жителей Чердыни», где я нашла сведения о семье мещанина Михаила Осиповича Кузнецова за 1892 год «с последующими дополнениями, принятыми Пермской казенной палатой». Огромная благодарность директору Чердынского музея исто-

Отец Дмитрий Швалов,
прадед П. А. Ромашовой

рин Веры Марине Ивановне Ветчаковой, обнаружившей в Чердынских архивах этот список за № 1883.

В списке указан состав семьи чердынского мещанина Кузнецова Михаила Осиповича, которому на 1 января 1892 года было 60 лет. Он был женат вторым браком на Александре Петровне Мельниковой, которой в то время был 41 год. У них были дети: Петр, родившийся 15 августа 1874 года, Егор – 4 августа 1875 г., Клавдия – 17 октября 1876 г., Михаил – 12 октября 1881 г., Людья – 13 февраля 1883 г., Иван – 27 марта 1884 г., Николай – 24 мая 1888 г.

Выдержка из списка: «Петр и Егор Кузнецовы, по распоряжению Пермской казенной палаты от 26 июня 1896 г. № 30, 31 и от 3. III – 1898 г. № 16789, исключены в мещане г. Чердыни».

В связи со смертью Михаила Осиповича Кузнецова в 1898 году, распоряжением Пермской казенной палаты от 3 марта 1898 года за № 16789, Александра Петровна Кузнецова вместе с детьми на основании 302 ст. Устава о гражданском прямом налоге зачислены в неторгующее купечество, а ее сыновья Михаил, Иван, Николай – до 17-летнего возраста, дочери – до замужества.

«Петру Кузнецову в призыв 1895 года дана отсрочка на один год».

«Петр Кузнецов в призыв 1896 года зачислен в ополчение по первому разряду (неразборчиво) от воинской (неразборчиво) от 25 ноября

1896 года за № 2121. Егор Кузнецов в призыв 1896 года принят по собственному желанию, на основании 31 ст. Уст. вместо брата своего Петра, на военную действительную службу».

«Михаил и Иван Кузнецовы, по распоряжению Пермской казенной палаты от 11 июля 1901 года за № 29388, исключены со второй половины 1901 года из купеческого сословия и зачислены с того же времени в общество мещан г. Чердыни».

Таким образом, поскольку Георгий Кузнецов служил во флоте и вернулся в Чердынь в морской форме и, скорее всего, после ранения, то можно предположить, что в 1897 году он участвовал в сражениях с китайцами. Хотя официально Россия никогда не воевала с Китаем, и в этом большая заслуга Российской духовной миссии, заложившей основу дипломатических отношений России с Китаем.

Известно, что китайцы часто самовольно «мигрировали» в Россию, переходя границу, но особенно эти случаи участились в конце XIX и в начале XX веков. Основная причина бегства с родины – голод, отсутствие работы, перенаселение, стихийные бедствия, неурожай, а соседняя Россия богата природными ресурсами и мало населена в этой части страны. Русскую границу китайцы переходили в Маньчжурии, проникая даже в Уссурийский край, откуда русские карательные отряды их гнали назад.

***

Нет сомнения, что Георгий Кузнецов окончил в Чердыни 4-классное городское училище, открытое в 1875 году, которое готовило учителей для городских приходских и сельских 1-классных и 2-классных начальных училищ, являясь к тому же ступенькой для поступления в духовную семинарию или в двухгодичный учительский институт. Законоучителем в городском училище был священник Воскресенского собора отец Александр Дмитриевич Павлов, окончивший в 1864 году Пермскую духовную семинарию. По мнению Чердынского Уездного Собрания, отец Александр Павлов «преподавал с отличным успехом, благодаря усердию, преданности этому делу и основательному знанию педагогических и методических приемов по предмету – Закону Божию». Учителями работали выпускники Оренбургского и Санкт-Петербургского учительских институтов. В Чердыни не было публичных библиотек. Только в 1892 году училищные библиотеки были признаны публичными, народными библиотеками, и была разрешена продажа книг с лотков и столиков на базарах. В 1895 году была открыта общественная земская библиотека.

Георгий Кузнецов не учился в духовных учебных заведениях, но имел хороший запас знаний о жизни всех сословий и слоев населения России. В Пермской губернии Чердынский уезд по уровню просвещения населения в конце XIX века занимал по-

Чердынское четырехклассное училище, которое окончил отец Серафим

следнее место. Образованность, начитанность у Георгия появились и проявились не сразу и не только от чтения книг русской художественной и церковной литературы, трудов известных философов, но и от общения с образованными людьми и богословами. Сказалась и его природная наблюдательность, любовь к слову. Духовному самообразованию Георгия помогала религиозность семьи Кузнецовых, особенно, матери Александры Петровны.

В Чердыни действовали 4 церкви, то есть был круг общения с образованными священнослужителями, в основном, выпускниками духовных семинарий, которые укрепляли его веру, помогали расширять знания. Возможно, Георгий участвовал и в богослужениях.

Чем был занят Георгий Кузнецов до 21 года? Помогал ли родителям по купеческой части? С 1863 года доступ в купечество для разбогатевших мещан и крестьян стал добровольным, гильдейские свидетельства 1-й или 2-й степени приобретались лицами, стремившимися к получению сословных купеческих прав. Небогатые чердынские мещане и крестьяне из сел и деревень так же могли торговать, имея негильдейские предприятия – лавки, амбары, склады, причем не только в Чердыни, но и в других волостях Чердынского уезда, заявляя каждый год Уездному Податному Присутствию суммы оборотов и прибыли для определения раскладочного сбора (налога).

К примеру, в 1890 и в 1891 годах негильдейская торговля – мясная лавка в торговых рядах Чердыни была у мещанки Александры Петровны Кузнецовой, матери Георгия; а его отец – мещанин Михаил Осипович Кузнецов имел в Чердыни лавку съестных припасов, а в Сылуцкой волости на заводе Кутимском – лавку бакалейных и галантерейных товаров. В 1897 году торговлю этими же товарами на заводе продолжил купец 2-й гильдии Петр Михайлович Кузнецов. В 1898 году купец 2-й гильдии Александра Петровна Кузнецова торговала разными товарами при своем доме и

Сестры Анна и Александра Мельниковы

на Кутимском заводе – предприятие перешло к ней от сына Петра Кузнецова.

В Чердынском уезде земледелие – хлебопашество, огородничество, садоводство, при очень суровом климате и малоприводной для этого почвой было сопряжено с большими затратами труда, заботами, денежными средствами. За жилым домом многочисленной семьи Кузнецовых, надворными постройками требовался постоянный уход, каждый год велась заготовка дров и сена для содержания домашних животных, в том числе лошадей, столь необходимых в торговом деле. Эти подробности нужны, чтобы понять: не только для успешной продажи товаров, но и на их закупку, заготовку, транспортировку, складское хранение, охрану, особенно продовольствия, требовались огромные затраты и усилия, участие всех членов семьи, близких родственников, даже наемных работников. Так что, Егор Кузнецов помогал зарабатывать средства на содержание своей семьи, получал житейский опыт, знакомась с бытом и жизнью своего народа.

В Чердыни отсутствовала фабричная и заводская промышленность, так что техническими специалистами были лишь работники, обслуживающие речной транспорт и Кутимский чугуноплавильный завод в Сылуцкой волости. Интеллигенция в Чердыни увеличивалась каждый год за счет пребывающих политзаключенных.

В селе Покча ведущими купцами были братья Мельниковы: Иван, Матвей, Степан (Стефан) Петровичи, имевшие торговые точки (предприятия) в разных селах и деревнях Чердынского уезда. Братья участвовали и на ярмарках в Нижнем Новгороде, в Ирбите.

***

В декабре 2009 года мне передали фотоснимок игумена Серрафима со своей матерью монахиней Анастасией, сделанный в 1914 году. Я мгновенно узнала в монахиню Анастасию ту женщину с «нашей» фотокарточки, чью личность мы не могли определить. Мы-то предполагаем, что на фото сидит наша прапрабабушка Анна, но теперь стало ясно, что это Александра Петровна Кузнецова (1850 г.р.), рядом с которой стоит Анна Петровна Шувалова (1866 г.р.). Так что, это не мать с дочерью, как мы думали, а сестры Мельниковы.

Хотелось узнать о судьбах остальных членов большой семьи Михаила Осиповича Кузнецова. В фондах Государственного общественно-политического архива Пермского края есть дело, заведенное на Александра Михайловича Кузнецова – старшего сына Михаила Осиповича от первого брака. Кстати, от этого брака у него были и другие сыновья: Семен и Степан.

Александр Михайлович Кузнецов родился в Чердыни в 1859 году. С 1883 года проживал в Усолье, был женат, занимался торговлей мясом. При вступлении в Усолье «белый» в декабре 1918 года его избрали председателем следственной комиссии. С приходом в Усолье «красных» А.М. Кузнецов был арестован 13 августа 1919 года и обвинен в том, что служил у Колчака. В протоколах допроса 26 августа 1919 года в Усо-

Чердынь. Вид на древний Иоанно-Богословский монастырь. Фото 2010 г.

лье и 23 января 1920 года в Пермской ГубЧК записано: «Семья 3 человека – жена и сын, бывший золотопромышленник; по профессии – торговец; образование – 2 класса; беспартийный; местожительство – г. Усолье, Посад, собственный дом»; «до прихода белых служил закупщиком Продотдела, с приходом белых я торговал колбасой в течение 1-го месяца, потом был выбран в состав следственной комиссии, в которой служил около 2-х месяцев».

Александр Кузнецов был обвинен в участии расследования дел коммунистов, советских работников, красноармейцев и приговорен к расстрелу, но по случаю 2-й годовщины Октябрьской революции был амнистирован и приговорен к 5-летнему заключению в концентрационном лагере с привлечением к принудительному труду. В ознаменование 3-й годовщины Октябрьской революции А. М. Кузнецову срок заключения был сокращен на две трети, то есть составил 1 год 8 месяцев. На свободу он вышел 24 февраля 1923 года; был реабилитирован 19 октября 1991 года.

В декабре 1919 года при обыске в доме А. М. Кузнецова были изъяты и приобщены к делу несколько писем. Интересны они все, но особенно от сына Саши, служившего советской власти в 3-й армии Восточного фронта, в запасном полку, в нестроевой роте в Саратове. 17 июня 1917 года он писал отцу: «Здравствуйте, дорогие родители, Папа и Мама. Во-первых, желаю от Бога доброго здоровья и всего наилучшего. ...Я все еще нахожусь мясником в полку. Говорили открыть еще и колбасную, но не стали. Затем из мясников меня тоже собирают опять в роту, но не знают – в какую назначить, в маршевую или петь. Было собрание, и насчет меня обсуждали, почему попал такой молодой в мясники, и еще говорят, что из купцов и скрывается так, чтобы не попасть на позицию».

Далее сын просит выслать денег, т.к. у него украли казенные брюки и сапоги, и надо отдавать долг – 34 рубля. Окончание письма: «Прошу родительского благословения». Возможно, что и не к этому письму, приложена записка, видимо, для телеграмм: «Действующая Штаб

Гвардейского Корпуса игумену Серафиму (здесь будут знать мое место пребывания и пересылать мне)».

Так же интересно письмо Евфразии Васильевне – жене А. М. Кузнецова от его сводной сестры Клавдии Михайловны Кузнецовой. Письмо без даты, написано карандашом и небрежно. Из содержания можно понять, что она живет и работает также в Усолье; одинока, семьи нет, переехала на новую квартиру в другой дом, держит двух поросят, требующих постоянного ухода, соблюдает все религиозные праздники, часто посещает церковь, где поет в хоре. Письмо, вероятно, написано в 1921–1922 годах, ведь К. М. Кузнецова поздравляет с рождением внучки только сестрицу Евфразию Васильевну, ибо ее муж Александр Кузнецов эти годы находился в концлагере... (ГОПАПК. Ф. 643/2 о. 1. д. 14147).

Архивные поиски родственников игумена Серафима продолжаются.

Л. А. Ромашова, краевед
Семейные фото взяты из
домашнего архива автора